

УДК 340(075.8)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО АППАРАТА У НАРОДОВ ВЕРХНЕЙ КУБАНИ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ КАРАЧАЯ)

Аджиева З.И.

ГОУ ВПО «Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия», г. Черкесск, adzhiv@mail.ru

Высокая степень социальной мотивации к государственной службе (обусловленная ее престижностью) у горцев региона была заложена еще в царский период, а советская власть не только не внесла существенных изменений в данном плане, но даже усилила у горцев стремление попасть в политическую элиту. Советская власть с первых дней своего утверждения на территории Верхней Кубани признавала, что ее военная победа в гражданской войне не тождественна победе политической и идеологической. Основная проблема – кадровая – в национальных окраинах бывшей Империи толкала новые власти к использованию «старых кадров» (в условиях Карачая и Черкесии даже бывших дворян и князей).

Ключевые слова: горская элита, государственная служба, государственный служащий, образование, престиж интеллектуального труда

THE EMERGENCE OF THE ADMINISTRATIVE APPARATUS OF THE PEOPLES OF THE UPPER KUBAN PRE-SOVIET TIME (ON THE EXAMPLE OF KARACHAY)

Adzhiev Z.I.

GOU VPO «North-Caucasian state humanitarian-technological Academy», Cherkessk, adzhiv@mail.ru

A high degree of social motivation to public service (due to its prestige) from the mountain region was established in the Imperial period, and the Soviet government not only did not bring significant changes in this plan, but even strengthened the highlanders aspirations to get into the political elite. The Soviet government from the first days of its establishment on the territory of the Upper Kuban acknowledged that its military victory in the civil war is not identical to the political and ideological victory. The main problem is staffing in the national Borderlands of the former Empire pushed the new government to use «old staff» (in terms of Karachay Cherkessia and even former nobles and princes).

Keywords: mountain elite, civil service, civil servant, education, prestige of intellectual work

Формально Карачай был присоединен к Российской империи осенью 1828 г. самим фактом подписания депутацией местной знати прошения о принятии в подданство [17, с. 40–41]. Но еще несколько лет никаких структур и механизмов управления этим горным краем со стороны военно-колониальной администрации не существовало. Войска были выведены, а горцы по-прежнему управлялись своим олим (уали, верховным правителем) из рода князей Крымшамхаловых [20, с. 29–30].

Начало функционирования русской администрации в Карачае относится к 1834 г., когда сюда был назначен первый царский пристав [17, с. 48]. В 1865 г. система приставств была упразднена, карачаевские селения и несколько абазинских, ногайских и черкесских аулов были объединены в Эльбрусский округ с «военно-народным управлением». В 1871 г. окружная система также была упразднена, и были учреждены участки в составе Баталпашинского уезда (с 1888 г. – отдела). Территория бывшего Эльбрусского округа вошла в состав Хумаринского участка, а абазинские, ногайские и черкесские аулы бывшего

Зеленчукского округа составили Бибердовский участок. С этого времени вплоть до революции горцами управляли участковые начальники [2, с. 163].

С вхождением в состав Российской империи правящий класс горцев довольно быстро усвоил важнейшую традиционную черту российской политической культуры. Речь идет о том, что в России, говоря словами специалиста по элитологии О. Крыштановской, «не богатство приводило к власти, а власть вела к богатству». Еще точнее – именно «обладание властью давало все остальное – богатство, связи, влияние» [12].

Основа целеполагания деятельности дореволюционной элиты горцев была прежде всего обусловлена состоянием дел в системе жизнеобеспечения, острейшей проблемой которого в нагорной части Верхней Кубани выступало хроническое малоземелье. По утверждению А.Н. Дьячкова-Тарасова, к тому времени число безземельных семей вчетверо превышало количество землевладельческих [8], а у некоторых не имелось земли даже под постройку жилища (таких семей, например, в Учкулане было около 50, в Карт-Джурте – около 50) [9, с. 107]. Площадь Карачая в начале XX в. составляла лишь 324 125 десятин, из которых 25% были полностью непригодны для хозяйственной деятельности. Еще 28% составляли леса, также непригодные для животноводства [18, с. 56]. В то же время на 5932 дворов (семей), или 34 975 человек (1907 г.) карачаевского населения [11, с. 31] приходилось 723 тыс. голов скота [18, с. 54], т.е. около 122 голов на семью.

Земельная нужда заставляла основную часть работоспособного населения проводить вдали (от 75 до 150 км) от семейного очага, где оставались в основном старики, женщины и дети. Дефицит земли напрямую затрагивал экономические интересы элиты, к которой принадлежали все скотопромышленники и коннозаводчики. Поскольку за пределами своих аулов землю можно было лишь арендовать (войсковые казачьи и казенные земли не продавались), то они стремились обрести надел через систему «пожалований». Это в свою очередь требовало близости к царской администрации, а еще вернее – вхождения в региональную правящую элиту.

Так, согласно «высочайшему повелению» от 16 февраля 1871 г. были наделены земельными участками общей площадью в 4279 десятин «17 лиц из карачаевских таубиев, кадиев окружного словесного суда и старшин аулов: из них 7 лиц фамилии Крымшамхаловых, 2 Карабашевых и по 1 лицу из фамилий Бостановых, Дудовых, Байрамуковых и др.» [18, с. 126]. В основном это были те же самые фамилии, которые составляли местную элиту и в дореформенное время [15, с. 28–30].

Вхождение в провинциальную элиту изначально происходило, прежде всего, через должности аульных старшин, депутатов словесных судов и иные, которые отмечались жалованными угодьями, внешними атрибутами принадлежности к власти – чинами и

наградами от военно-колониальной администрации. Исключительно престижной у горцев считалась стезя профессионального военнослужащего. Уже в 1850-е гг. офицерские чины, в основном иррегулярных войск (горской милиции), присваивались князьям Крымшамхаловым (Абдурзак, Бадра, Каншаубий, Магомет), Дудовым (Магомет и Шмауха), Карамурзиным (Таусолтану), узденям Керти Салпагарову, Эльмырзе Узденову, Али Джараштыеву [3, с. 20–25]. В целом многие представители западно-кавказской (абазинской, карачаевской, ногайской, черкесской) интеллигенции вышли из военной среды [10, с. 126–127]. Царская администрация на Кавказе, кстати, очень хорошо осознавала «служебный потенциал» горцев.

Добавим, что в годы гражданской войны на «милитаризованности» горского сознания, популярности военной службы и ее атрибутов в среде горцев играло и белогвардейское командование. Не случайно при посещении Карачая атаманом Баталпашинского отдела генералом Филимоновым (сентябрь 1919 г.) воинскими званиями по линии иррегулярной службы (горской милиции) были отмечены многие горцы. В числе влиятельных жителей селений Тебердинского ущелья это были Исмаил-эфенди Акбаев (прапорщик милиции), Ибрагим Акбаев (прапорщик милиции), князь Султан-Мурат Карабашев (юнкер милиции), Мудалиф Урусов (прапорщик милиции) [21, л. 47]. Кроме того, известно, что отдельский атаман присвоил офицерские чины и авторитетным жителям других селений – Абулкериму Хасанову, Муссе Абаеву, Исхаку Абайханову, Мурату Аджиеву, Мырзакулу Блимготову, Казий-хаджи и Гилястану Лайпановым, Джамболату Узденову, Рамазану Чотчаеву, Азрету Эркенову [21, л. 21–36].

Конечно, карьера военнослужащего или служащего местной администрации привлекала не всех. С одной стороны, профессиональную военную службу избирали в основном аристократы, но с другой – и местных административных должностей, к которым допускали аборигенов, было сравнительно немного. Кроме того, для горцев существовал установленный колониальной администрацией «потолок» служебной карьеры по административной линии: например, за 1834–1917 гг., т.е. за все время пребывания Карачая в составе Империи, в числе местных приставов и участковых начальников (глав местных администраций) не было ни одного карачаевца. Поэтому вхождения в региональные элиты горцы чаще всего старались добиться через получение образования. Это было связано с тем, что в ту пору практически вся провинциальная интеллигенция (учителя, медики, инженеры и т.п.) находилась на государственной службе. Особенность русской интеллигенции в том и состоит, что она являет собой, по выражению А. Севастьянова, «дитя правительства, а не длительного исторического процесса, как в Европе». В последней были вольные университеты – рассадники независимого знания, а в России все высшие и специальные

учебные заведения изначально являлись государственными. К тому же в Европе первые университеты возникли в XII в., а в нашей стране – в XVIII в. Мотив монархического режима в данном направлении с самого начала был связан с сугубо практической задачей: обеспечить «потребное количество» представителей умственного труда – инженеров, офицеров, врачей, священнослужителей, послушных абсолютизму» [16, с. 109]. Это и обуславливало то, что у горской элиты за сравнительно короткий срок укрепилось осознание престижности, можно сказать, карьерного потенциала интеллектуального труда, в связи с чем особого упоминания заслуживает дореволюционная интеллигенция (как прослойка профессиональных работников умственного и творческого труда). Основная часть таких профессий, как учителя, медики, инженеры и иные, в социальном плане ныне отнесена к числу интеллигенции и отчасти служащих, а в царское время являлась разновидностью чиновной службы. Преподавательский состав вузов, обладатели ученых званий и ученых степеней, должностные лица культурных учреждений (например, театров, академии художеств и др.) представляли собой разновидность самых привилегированных работников государственной службы, получали классные чины по имперской «Табели о рангах» – вплоть до приравненных к генеральским званиям.

Имеющиеся материалы позволяют утверждать, что первыми среди карачаевцев начальное русско-европейское образование получили заложники (аманаты) из родовитых фамилий, выданные по итогам переговоров о присоединении Карачая к России осенью 1828 г. Судя по всему, самые первые из них содержались достаточно долго: в 1841 г. в «казенном доме» Боргустанской крепости фиксируются аманаты – князя Ахмат Крымшамхалов (1818 г.р.) и Хасанбий Дудов (1812 г.р.), уздени Умар Узденов (1805 г.р.) и Умар Байрамуков (1810 г.р.), которые были взяты еще в 1828 г. Аманаты, судя по всему, вначале располагались в Нальчикской крепости, откуда в 1832 г. были отправлены в Ставрополь [5, с. 118]. В мае 1833 г. они под предлогом попустительства закубанским горцам со стороны карачаевцев были переведены в Дмитриевский полубатальон военных кантонистов (сыновей солдат и военных поселенцев) в Финляндию, откуда были возвращены по итогам переговоров 1834 г. [17, с. 48–49]. Их вернули в Нальчик, поскольку именно оттуда в 1836–1837 гг. аманаты были переведены в русское укрепление близ верхнекубанского Каменного Моста, «где и ожидали обмена». В числе этой, видимо, второй группы были Асланбек Бийнегеров (Крымшамхалов), Ислам Карабашев, Хасан Сагоев (видимо, искаженное Согаев – клан Казиевых), Мет Темурзин [5, с. 124]. Видимо, к третьей группе аманатов относились Абдурахман Боташев, Даулетгерий Салпагаров [13, с. 37]. Командование стремилось к тому, чтобы взрастить из аманатов будущих приверженцев России. Важной составляющей этого процесса считалась учеба. Многие из аманатов обучались в Нальчикской военно-аманатской

школе [13, с. 37], где детям прививали современные идеи и начальные знания. Один из бывших аманатов, Эдигей Казиев (1810–1844), был впоследствии воспитан в шотландской колонии Каррас в районе Кавказских Минеральных Вод, принял протестантство (в крещении Андрей Хай) и, помимо родного карачаевского, русского, черкесского языков, освоил турецкий и ряд европейских языков (английский, немецкий, греческий) [6], что, видимо, можно считать результатом обучения. Зная судьбу многих из упомянутых лиц, можно согласиться с тем, что «из числа аманатов выходили очень многие представители формирующейся «российскости», которая стала ведущей тенденцией и реальностью исторической интеграции южных областей» нашей страны.

Тем не менее проблема образования стояла в горских районах Северного Кавказа чрезвычайно остро. Даже полвека спустя, после присоединения к Империи, в 1890-х гг. во всех селениях Карачая и Черкесии функционировали 16 начальных школ («училищ»), где учились лишь 846 ребят. К началу 1903 г. во всех горских начальных школах работали 66 педагогов [13, с. 46–48]. Здесь можно отметить, что преподаватели этих школ формально пользовались «правами государственной службы». Но на деле они различались: одна часть учителей этих школ числилась по штату Министерства народного просвещения, «точно и аккуратно» получая жалованье 20-го числа каждого месяца, в то время как другая их часть, находившаяся на содержании аульных обществ, получала жалованье с опозданием в 1–4 месяца [14, с. 269].

Престиж интеллектуального труда обусловил стремление некоторых горцев дать своим детям образование. Но следует учесть, что этот процесс не затронул горские низы, а был первоначально ограничен прослойкой состоятельных семей [14, с. 269]. Наиболее просвещенная часть горской элиты уже тогда старалась обучить своих детей в городских учебных заведениях (на селе средних школ не существовало), в первую очередь в гимназиях. Еще в 1842 г. специальное отделение для воспитания детей почетных горцев было открыто при Ставропольской гимназии (учрежденной в 1837 г. преобразованием высшего уездного училища в Кавказскую областную гимназию) [17, с. 248].

Лишь в начале 1900-х гг. в административном центре отдела станицы Баталпашинской были созданы мужская и женская гимназии, в которых учились будущие общественные деятели горцев – Фарида Батчаева, Магомет Батчаев, Хамзат Каракетов, Магомет Хасанов и др. Часть горцев получала образование в гимназиях Кисловодска (Ахмат Бегеулов, Бекмурза Байчоров, Мариям Хубиева и др.) [17, с. 48–50].

Все это позволило к моменту падения монархии повысить грамотность мужской части горского населения Черкесии почти до 8%, Карачая – почти до 12% (женской части до 2%) [17, с. 50].

Наиболее передовая часть элиты горцев осознавала особую перспективность специального образования. Его среди коренного населения раньше всех получили воспитанники военно-учебных заведений, т.е. офицеры. По имеющимся данным первым карачаевцем, получившим военное образование, является обучавшийся в кадетском корпусе (в 1843–1847 гг.) князь Хаджи-Мырза Крымшамхалов, который затем 28 лет прослужил в российской армии, дойдя до чина ротмистра, имел четыре имперских ордена (Св. Станислава III и II ст., Св. Анны III ст. и с мечами и бантом II ст.). Будущий полковник Мырзакул Крымшамхалов окончил Киевское пехотное юнкерское училище (1893–1895), его младший брат Басханук, ставший капитаном, обучался в Одесском пехотном юнкерском училище (1904–1906) [4, с. 78–79].

Из гражданских видов государственной службы очень престижной считалась юридическая служба, но получивших соответствующее образование было крайне мало (юристами стали Аубекир Батчаев, Бекмырза Крымшамхалов, о которых мы скажем ниже). Собственно говоря, в повседневности горцы сталкивались с госслужащими-юристами нечасто: ближайšie к аулам Большого Карачая юридические структуры располагались в 50 км севернее – в Хумаринском укреплении, куда к началу XX в. перемещался «центр карачаевской гражданской жизни». В 1915 г. Г.Ф. Чурсин писал, что «Хумаринское укрепление – административный центр Карачая: здесь помещается горский суд, ведающий делами карачаевцев; живут участковый начальник и карачаевский лесничий» [23].

К престижной тогда категории служащих относились инженеры и техники. Среди горцев Верхней Кубани ими были в основном выпускники Майкопского технического училища (Асхат Биджиев, Ильяс Кочкаров, Рамазан и Гапалау Текеевы, Умар Узденов, Асланбек Кочкаров, Али Хасанов [13, с. 41] и др.). Значительная их часть занимала ключевые руководящие посты в советское время. Первым карачаевцем с высшим инженерным образованием стал князь Ислам Дудов, воспитанник двух гимназий: Кубанской войсковой и Ставропольской (1872 г. с серебряной медалью) [17, с. 257].

К числу авторитетных служащих относились и учителя, в связи с чем популярна была Кубанская учительская семинария (созданная в 1871 г.) – первое среднее специальное учебное заведение в Кубанской области. Она функционировала с 1871 г. и изначально предназначалась для подготовки учителей в казачьих станицах, но сюда стали принимать и горских детей [19]. Ее окончили будущие общественно-политические деятели Карачая и Черкесии Курман-Али Курджиев, Рамазан Куатов, Хызыр Халилов, Тохтар Биджиев, Умар Чапаров, Асланбек Калмыков, Магомет Санглибаев и др. [13, с. 41]. Некоторые педагоги специальное образование получили в Тифлисской Александровской учительской школе (например, заведующий Бибердовской школой осетин Кулаев), Тифлисской Закавказской

учительской семинарии (заведующий Учкуланской школой Имадеддин Субханкулов) [17, с. 172].

Уважением пользовалась и профессия служащего-медика. Единственным из доступных основной массе горцев Кубанской области медицинских учебных заведений являлась Екатеринодарская военно-фельдшерская школа, действовавшая при Кубанском казачьем войске с рубежа 1870–1880-х гг. Здесь предусматривался 4-летний курс обучения, куда принимали мальчиков 13–15-летнего возраста [22].

Таким образом, представления о высокой престижности государственной службы возникли и в значительной степени закрепились в сознании горцев еще в имперский период. Значительная часть молодежи из Карачая и Черкесии старалась выбрать жизненный путь служащего – гражданского или военного. В этом отношении смена политического режима в 1917 г. мало что изменила. Стремление попасть в политическую элиту осталось и даже усилилось.

Список литературы

1. Архив Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника (АКЧМЗ). Ф. 2. Д. 38. (Письмо М. Куажева Н.Т. Хасанову 14.01.1959).
2. Алиев У.Д. Карачай (Карачаевская автономная область): историко-этнологический и культурно-экономический очерк.– Черкесск, 1991. – 320 с.
3. Батчаев Ш.М. Карачаевцы в войнах России (вторая половина XIX – начало XX вв.). – М.: РепроЦентр, 2005. – 240 с.
4. Батчаев Ш.М. Джатдай. – Ставрополь: ГУП СК «Краевые сети связи», 2006. – 272 с.
5. Бегеулов Р.М. Карачай в Кавказской войне XIX века. – Черкесск: КЧМЗ, 2002. – 178 с.
6. Бегеулов Р.М. Эдигей Казиев: заложник, шпион, дипломат // Вести гор. – 2006. – 26 сентября – 2 октября. — № 38 (124).
7. Государственный архив Карачаево-Черкесской республики (ГА КЧР). Ф. Р-40. «Учкулакский революционный комитет (ревком)».
8. Дьячков-Тарасов А.Н. Заметки о Карачае и карачаевцах// Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Вып. 25. Отд. II. – Тифлис, 1898. – С. 50-91.
9. Дьячков-Тарасов А.Н. В горах Большого и Малого Карачая // СМОМПК. Вып. 28. – Тифлис, 1900. – С. 3–111.

10. Зубкова Н.Ю. Национальные формирования горцев первой половины XIX в. в контексте российско-северокавказской интеграции // Вопросы южнороссийской истории: сб. статей / Под ред. В.Б. Виноградова. Вып. 13. – М.-Армавир, 2007. – С. 126–127.
11. Иваненков Н.С. Карачаевцы. (Доклад, прочитанный на общем собрании членов Общества любителей изучения Кубанской области 28 ноября 1908 г. // Известия Общества любителей изучения Кубанской области (ИОЛИКО). Вып. 5. – Екатеринодар, 1912. – С. 25–91.
12. Крыштановская О. В России сколачивается властная пирамида советского типа // Независимая газета. – 2004. – 31 августа.
13. Лайпанова З.К. Просветители Карачая и Черкесии. – Черкесск: КНИИ, 2008. – 120 с.
14. Народы Карачаево-Черкесии: история и культура / Отв. ред. В.Ш. Нахушев. – Черкесск, 1998. – 536 с.
15. Невская В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (Дореформенный период). – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного изд-ва, 1960. – 156 с.
16. Севастьянов А. Двести лет из истории русской интеллигенции. Попытка социологического анализа // Наука и жизнь. – 1991. — № 3. – С. 106–113.
17. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. (1790–1917): Сборник документов / Сост. В.П. Невская [и др.]. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1985. – 228 с.
18. Тамбиев И.Х.-Б. О Карачае и Балкарии. Сб. очерков, статей, заметок; сост. И.М. Шаманов, Ф.И. Шаманова. – Ставрополь: Сервисшкола, 2003. – 336 с.
19. Трехбраторова С.А. Учительская семинария // Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. – Краснодар, 1997. – С. 489.
20. Хатуев Р.Т. Карачай и Балкария до второй половины XIX века: власть и общество // Карачаевцы и балкарцы (этнография, история, археология) / Отв. ред. С.А. Арутюнов. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. – С. 5–198.
21. Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской республики (ЦДОДП КЧР). Ф. П-45. Оп. 1. Д.16. Л. 47.
22. Яковлев В.И. Фельдшерская школа // Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. – Краснодар, 1997. – С. 493.
23. Чурсин Г.Ф. Поездка в Карачай // Известия Кавказского отделения Императорского Русского географического общества (ИКОИРГО). – Тифлис, 1915. – Т. XXIII. — № 3. — С. 242.

Рецензенты:

Бегеулов Р.М., д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории России КЧГУ им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск.

Напсо М.Б., д.ю.н., профессор кафедры Гражданско-правовых дисциплин СКЮИ ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Черкесск.